

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-130-139

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования
им. К.Д. Ушинского, председатель Московской городской
коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
<https://ludmilagru.academia.edu/research>
e-mail: ludmilagr@mail.ru

РАННИЕ ФОРМЫ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОТОКОНСТИТУЦИОННЫЕ АКТЫ. ЧАСТЬ 1. «КОНДИЦИИ» АННЫ ИОАННОВНЫ 1730 Г., «НАКАЗ» ЕКАТЕРИНЫ II 1767 г.¹

Аннотация. Настоящая статья открывает цикл авторских статей, посвященных малоисследованной в отечественном российском конституционализме теме протоконституционных актов (т.н. «ранних российских конституций»), исторически предшествовавших разработке и принятию советских и современных конституционных актов России. Обосновывается, что начало отечественной конституционной традиции не следует связывать исключительно с Конституцией РСФСР 1918 г., поскольку еще в Российской Империи были сформированы правовые идеи ограничения верховной власти, народного представительства, законности, прав подданных и институционального разграничения властных функций. Предметом анализа настоящей статьи (первой части цикла статей) выступают «Кондиции» Анны Иоанновны 1730 г. и «Наказ» Екатерины II 1767 г. Автор исходит из различения формальной конституции, конституционного проекта и протоконституционного акта. Делается вывод о том, что дореволюционный российский конституционализм развивался как конфликт между самодержавной природой имперской государственности и потребностью в правовом самоограничении публичной власти. Его незавершенность не отменяет факта существования глубокой дореволюционной конституционно-правовой традиции.

Ключевые слова: российский конституционализм, «Кондиции» Анны Иоанновны, «Наказ» Екатерины II, протоконституционный акт, конституционализм, конституция, самодержавие.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association "Norma Prava",
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

EARLY FORMS OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM: PROTO-CONSTITUTIONAL ACTS. PART 1. "CONDITIONS" ANNA IOANNOVNA 1730, "ORDER" CATHERINE II 1767

Annotation. This article opens a series of author's articles on the topic of proto-constitutional acts (the so-called "early Russian constitutions"), which historically preceded the development and adoption of Soviet and modern constitutional acts of Russia, little-researched in Russian Russian

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс <http://www.consultant.ru/>.

constitutionalism. It is justified that the beginning of the domestic constitutional tradition should not be associated exclusively with the Constitution of the RSFSR of 1918, since even in the Russian Empire legal ideas were formed to limit supreme power, popular representation, legality, the rights of subjects and the institutional delimitation of power functions. The subject of analysis of this article (the first part of the series of articles) are the "Conditions" of Anna Ioannovna in 1730 and the "Order" of Catherine II in 1767. The author proceeds from the distinction between the formal constitution, the constitutional draft and the protoconstitutional act. It is concluded that pre-revolutionary Russian constitutionalism developed as a conflict between the autocratic nature of imperial statehood and the need for legal self-restraint of public power. Its incompleteness does not negate the fact of the existence of a deep pre-revolutionary constitutional and legal tradition.

Key words: Russian constitutionalism, "Condition" by Anna Ioannovna, "Order" by Catherine II, proto-constitutional act, constitutionalism, constitution, autocracy.

Истоки российского конституционализма находились еще в Российской Империи, а советский период унаследовал не пустое пространство, а сложную, противоречивую и во многом нереализованную дореволюционную традицию. Без учета дореволюционного опыта невозможно понять устойчивость ряда отечественных правовых архетипов в современном российском конституционном праве: сильной исполнительной власти, осторожного отношения к парламентаризму, приоритета единства государства, напряжения между правом и политической целесообразностью, а также постоянной конкуренции между идеей реформы сверху и идеей общественного самоограничения власти.

История российского конституционализма нередко начинается в учебной и научной литературе с советских конституций, прежде всего, - Конституции РСФСР 1918 г. Такой подход, на наш взгляд, удобен формально, поскольку именно советский период дал России акт, прямо именованный конституцией и закреплявший новую систему власти. Однако историко-правовая природа конституционализма значительно шире названия самого нормативного акта. Конституционализм возникает раньше писаной конституции: он начинается там, где появляется идея юридического предела публичной власти, представительства общества, устойчивых «коренных» законов и правового статуса личности.

В дореволюционной России эта идея развивалась неравномерно. Она то приближалась к практическому воплощению, то вытеснялась из официальной политики, то принимала форму осторожной реформы, то становилась программой оппозиционного дворянского движения. Поэтому выражение «ранние российские конституции» применительно к периоду до СССР требует в начале настоящей статьи специального уточнения.

До 1906 г. Российская Империя не имела общеимперской конституции как единого основного закона. Но она имела конституционные проекты, т.н. «протоконституционные» акты, террито-

риальные конституционные режимы и действующие акты конституционного значения. Методологически неверно оценивать XVIII–XIX вв. только по критерию наличия либо отсутствия документа с названием «Конституция». Для историка права существеннее другое: содержали ли соответствующие документы признаки конституционализма, то есть идеи ограничения власти, народного или сословного представительства, правовой связанности монарха, прав подданных, верховенства закона и институционального разграничения властных функций. Именно по этим критериям «Кондиции» Анны Иоановны 1730 г. и «Наказ» Екатерины II 1767 г. (наряду с проектами М.М. Сперанского и Н.Н. Новосильцева, «Русской правдой» П.И. Пестеля, «Конституцией» Н.М. Муравьева и Основными государственными законами 1906 г., о которых пойдет речь в следующих статьях данного цикла) образуют единую линию дореволюционной конституционной эволюции [8; 9].

В историко-правовом исследовании необходимо различать три близких, но не тождественных явления. Первое - формальная конституция, то есть основной закон государства, обладающий высшей юридической силой и регулирующий основы государственного строя, систему органов власти, права личности и порядок изменения самого основного закона. Второе - конституционный проект, представляющий собой программу будущего государственного устройства, которая может быть юридически детализирована, но не введена в действие. Третье - протоконституционный акт, не являющийся конституцией в полном смысле, но содержащий отдельные элементы конституционализма.

Для Российской империи это разграничение принципиально. Если признать конституцией только акт, прямо называвшийся конституцией и реально действовавший на всей территории России, дореволюционная конституционная история окажется почти пустой. Конституционная история складывается не только из действующих законов, но и из правовых проектов, политических доктрин

и институциональных попыток ограничить власть. В этом смысле конституционализм является не только результатом, но и процессом. К числу признаков раннего конституционализма следует отнести:

- юридическую идею ограничения верховной власти;
- закрепление правового статуса подданных;
- признание закона в качестве общей меры власти;
- представительный или совещательный элемент в законодательстве;
- попытку разделения законодательной, исполнительной и судебной функций;
- установление процедурных гарантий от произвольного наказания и лишения собственности.

Чем больше таких признаков содержит акт или проект, тем выше его конституционно-правовое значение. Дореволюционные российские документы распределяются по этим категориям неодинаково. «Кондиции» 1730 г. - протоконституционный акт аристократического ограничения

монархии. «Наказ» Екатерины II - просветительский политико-правовой документ, вводивший язык законности, но не создававший ограниченной монархии [6]. Проект М.М. Сперанского и Государственная уставная грамота Новосильцева - правительственные конституционные проекты [8; 9]. «Русская правда» П.И. Пестеля и «Конституция» Н.М. Муравьева - оппозиционные конституционные проекты [8; 9]. Основные государственные законы 1906 г. - действующий акт конституционного значения, который юридически изменил механизм законодательства, но сохранил самодержавную формулу верховной власти [9]. Такое понимание позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, анахронического утверждения, будто Россия уже в XVIII в. имела полноценную конституцию; с другой - столь же ошибочного отрицания любых дореволюционных истоков российского конституционализма. Историческая реальность сложнее: в империи существовал конституционализм без устойчивого конституционного режима.

Таблица 1. Основные формы дореволюционного российского конституционализма

Форма	Пример	Юридическая природа	Конституционное значение
Протоконституционный акт	«Кондиции» 1730 г.	Политико-правовое условие воцарения	Ограничение самодержавия правовыми обязательствами
Правительственный проект	Сперанский, Новосильцев	Проект реформы государственного строя	Коренные законы, представительство, разграничение функций
Оппозиционный проект	Пестель, Муравьев	Программа будущего государственного устройства	Народный суверенитет, права, форма правления
Действующий акт конституционного значения	Основные законы 1906 г.	Общеимперский правовой акт	Дума, Государственный совет, права подданных, новая законодательная процедура

Источник: составлено автором на основе анализа историко-правовых документов [8; 9].

Одним из первых документов, в которых был поставлен вопрос о юридическом ограничении верховной власти в России, стали «Кондиции» (от лат. *condicio* — «соглашение»), подписанные Анной Иоанновной 28 января 1730 г. [1]. Они возникли в специфической политической ситуации междоусобицы и были результатом инициативы Верховного тайного совета. Документ не выражал

народного суверенитета и не вводил парламентский строй. Его смысл состоял в ограничении личной власти монарха в пользу узкого круга высшей аристократии.

Смерть Петра II в январе 1730 г. создала ситуацию династической неопределенности. Российская империя оказалась в состоянии междоусобицы, когда вопрос о верховной власти дол-

жен был решаться не только по линии династического родства, но и с учетом реального соотношения сил при дворе. В этих условиях политическая инициатива перешла к Верховному тайному совету - высшему правительственному органу, учрежденному в 1726 г. при Екатерине I и игравшему значительную роль в послепетровской системе управления [8].

Верховный тайный совет не был представительным органом в современном смысле. Он не формировался на выборной основе, не выражал волю народа и не был ответственен перед каким-либо сословным собранием. Его состав отражал интересы высшей аристократии и придворной элиты. Поэтому инициатива ограничения власти Анны Иоанновны имела не демократический, а олигархический характер. Верховники стремились не столько передать власть обществу, сколько перераспределить ее внутри верхушки правящего класса.

Однако именно кризис престолонаследия создал возможность для постановки вопроса о юридической обусловленности власти. Анна Иоанновна была приглашена на престол не как абсолютно свободная носительница самодержавной власти, а как лицо, согласие которого на воцарение связывалось с принятием заранее сформулированных условий. Это принципиально отличало ситуацию 1730 г. от традиционной модели российского самодержавия, где власть монарха воспринималась как верховная, нераздельная и юридически не обусловленная обязательствами перед каким-либо органом.

Конституционное значение «Кондиций» состоит не в демократичности, а в самом юридическом факте условности монархической власти. Императрица обязывалась не решать важнейшие вопросы без согласия Верховного тайного совета: не начинать войну, не заключать мир, не вводить новые подати, не жаловать высшие чины, не распоряжаться вотчинами и не лишать шляхетство жизни, имущества и чести без суда [1]. Это означало попытку заменить неограниченное самодержавие договорно-ограниченной монархией.

Важнейший элемент документа заключался в том, что нарушение принятых обязательств влекло лишение короны. Подобная конструкция разрушала сакрально-абсолютное понимание монархической власти: монарх мыслился не только как источник права, но и как субъект, связанный правовыми условиями своего воцарения. Даже если эти условия были продиктованы интересами аристократической группы, сама логика документа имела протоконституционное значение. В то же время «Кондиции» нельзя идеализировать. Это был не либеральный и не общеграж-

данский проект. Он не устанавливал прав всех подданных, не ликвидировал сословность, не создавал представительного органа в современном смысле. Верховный тайный совет выступал скорее олигархическим центром власти, чем органом национального представительства. Поэтому точнее говорить не о первой российской конституции, а о первом ярко выраженном опыте юридического ограничения самодержавия.

Провал «Кондиций» также показателен. Уже через короткое время Анна Иоанновна отказалась от ограничений, и самодержавие было восстановлено. Однако сама возможность такого документа свидетельствовала: внутри российской элиты существовало понимание, что верховная власть может быть не только абсолютной, но и условной, связанной определенными государственно-правовыми рамками. Именно с этого момента можно говорить о раннем зародыше российского конституционализма.

Именно поэтому исторический контекст «Кондиций» не может быть сведен к обычному дворцовому конфликту. Да, верховники преследовали собственные политические интересы; да, их проект был социально узким; да, он не имел народного основания. Но все это не отменяет того факта, что в рамках данного конфликта впервые была сформулирована правовая идея условного самодержавия.

Отметим также, что текст «Кондиций» был сравнительно кратким, но его юридическая направленность была весьма определенной. Анна Иоанновна обязывалась по принятии российской короны не вступать в брак и не назначать наследника, сохранять Верховный тайный совет, не начинать войны и не заключать мира без согласия Совета, не вводить новых податей, не жаловать вотчины и деревни, не производить в высшие чины, а также не лишать шляхетство жизни, имущества и чести без суда [1].

Эти ограничения затрагивали не второстепенные, а ключевые prerogatives верховной власти. В документе были ограничены династическая, внешнеполитическая, финансово-фискальная, кадровая, имущественная и судебнопкарательная компетенции монарха. Следовательно, речь шла не о церемониальных уступках, а о попытке изменить саму юридическую конструкцию власти.

Первая группа ограничений имела династический характер. Обязательство не вступать в брак и не определять наследника без соответствующего политического контроля означало, что вопрос о продолжении верховной власти выводился из исключительного личного усмотрения императрицы. Для самодержавной модели это

было особенно чувствительно, поскольку династическая преемственность являлась одним из оснований легитимности верховной власти.

Вторая группа ограничений касалась внешней политики. Запрет самостоятельно объявлять войну и заключать мир существенно ограничивал одну из классических монархических прерогатив. В европейской истории именно контроль над войной, миром и финансами постепенно становился важным элементом представительного ограничения власти. Российские «Кондиции» не создавали парламента, но воспроизводили ту же логику: наиболее значимые государственные решения не должны приниматься единолично.

Третья группа ограничений имела фискальное значение. Запрет вводить новые подати без согласия Верховного тайного совета может рассматриваться как один из наиболее значимых протоконституционных элементов документа. Налоговая власть традиционно является одним из центральных признаков суверенитета. Ее ограничение означает, что государственная власть не должна произвольно возлагать новые имущественные обязанности на подданных, даже если речь идет о сословно ограниченном механизме контроля.

Четвертая группа ограничений относилась к кадровой политике и пожалованиям. Императрица лишалась возможности по своему усмотрению производить в высшие чины и раздавать вотчины и деревни. С юридической точки зрения это означало ограничение монаршего патронажа как инструмента формирования правящей элиты и распределения государственных ресурсов.

Пятая группа ограничений имела судебно-правовой характер. Положение о невозможности лишать дворян жизни, имущества и чести без суда было, пожалуй, наиболее важным с точки зрения истории прав человека и гарантий от произвола. Конечно, эта гарантия была сословной и распространялась не на все население, а на шляхетство. Тем не менее в ней уже содержался принцип, согласно которому даже верховная власть не может произвольно распоряжаться жизнью и имуществом подданного вне судебной процедуры.

Таким образом, юридическое содержание «Кондиций» позволяет утверждать, что перед нами не частное соглашение о придворном статусе Анны Иоанновны, а документ, который затрагивал основы публичной власти. Он переводил важнейшие государственные решения в режим согласования с Верховным тайным советом и тем самым ограничивал персональный характер самодержавия.

Как политическое соглашение «Кондиции» выражали компромисс между будущей импера-

трицей и Верховным тайным советом. Однако этот компромисс был вынужденным и ситуативным. Анна Иоанновна принимала условия в ситуации зависимости от политической воли верховников, а сами верховники стремились использовать момент междоусобицы для усиления собственной власти. Поэтому «договорная» природа документа была неполной: равенства сторон в строгом смысле не существовало.

Как акт ограничения самодержавия «Кондиции» имеют более глубокое значение. Они впервые в российской истории XVIII в. формально поставили вопрос о том, что верховная власть может быть ограничена заранее установленными правилами. До этого в России существовали совещательные, бюрократические и придворные механизмы влияния на монарха, однако они не превращали власть государя в юридически обусловленную.

Как протоконституционный акт «Кондиции» не соответствуют современному понятию конституции, но содержат один из ее ключевых признаков - ограничение публичной власти правовой нормой. Конституция в современном смысле предполагает верховенство основного закона, народный суверенитет, права и свободы человека, разделение властей, систему представительных учреждений и судебную защиту. Ничего подобного в полном виде «Кондиции» не устанавливали. Тем не менее они формулировали принцип, без которого конституционализм невозможен: власть не должна быть безусловной.

Поэтому наиболее точной представляется характеристика «Кондиций» как протоконституционного акта аристократического ограничения монархической власти. Такая формула позволяет избежать двух крайностей. С одной стороны, она не превращает «Кондиции» в полноценную конституцию. С другой стороны, она не сводит их к случайному эпизоду дворцовой борьбы, лишенному правового значения.

Следовательно, конституционно-правовая природа «Кондиций» заключается в том, что они впервые юридически оформили идею ограниченного самодержавия, хотя субъектом ограничения выступало не общество, а узкий аристократический орган.

При всей значимости «Кондиций» необходимо отчетливо видеть пределы их конституционного содержания. Документ не исходил из принципа народного суверенитета. Он не признавал народ источником власти, не учреждал парламент, не закреплял избирательных прав и не вводил механизм политической ответственности правительства перед представительством. Более того, сами формулировки документа сохраняли традиционный монархический и религиозный

язык власти. В тексте говорится о восприятии престола «по воле всемогущего Бога» и «по общему желанию российского народа» [1], однако эта фраза не означала признания народа юридическим источником власти. Она имела скорее легитимирующий и декларативный характер, тогда как реальным субъектом ограничения выступал Верховный тайный совет. Именно поэтому «Кондиции» нельзя квалифицировать как демократическую конституцию. Они не создавали народного представительства, а ограничивали императрицу в пользу высшей аристократии. Их социальная база была крайне узкой. Большая часть дворянства не участвовала в подготовке документа и впоследствии восприняла его как попытку верховников сосредоточить власть в собственных руках.

Однако отсутствие народного суверенитета не лишает «Кондиции» историко-правового значения. В истории европейского конституционализма ранние формы ограничения монархии также нередко имели сословный или аристократический характер. Они не были демократическими в современном смысле, но создавали юридический прецедент ограничения власти. Позднее этот прецедент мог расширяться: от прав аристократии к правам сословий, от сословий к гражданам, от совещательных органов к парламентам.

Поэтому оценивать «Кондиции» исключительно с позиций современных стандартов конституционного государства было бы методологически неверно. Если требовать от документа 1730 г. полноценного парламентаризма, всеобщего политического участия и каталога прав человека, он неизбежно окажется недостаточным. Но если рассматривать его в логике становления публичного права, он выступает первым в российской истории опытом письменной юридической условности верховной власти. Таким образом, «Кондиции» следует понимать как раннюю, неполную и социально ограниченную форму конституционной идеи. Они не открывали эпоху демократии, но ставили вопрос о пределе самодержавия. И именно этот вопрос стал центральным для последующей истории российского конституционализма.

Можно выделить несколько признаков, позволяющих относить «Кондиции» к истокам отечественного конституционализма. Первый признак - письменная форма ограничения власти. Второй - ограничение ключевых государственных прерогатив монарха. Третий - наличие санкции за нарушение условий. Четвертый - требование согласия особого органа при принятии важнейших решений. Пятый - наличие хотя и сословной, но все же судебной-правовой гарантии от произвольного лишения жизни, имущества и чести.

Указанные признаки не делают «Кондиции» конституцией в современном смысле. Однако они

позволяют рассматривать их как акт конституционного значения. Конституционализм начинается не только с принятия полноценной конституции, но и с появления идеи о том, что власть должна быть ограничена правом. В России такая идея впервые была выражена именно в связи с событиями 1730 г. Следовательно, «Кондиции» следует включать в историю российского конституционализма не как завершённую модель конституционного строя, а как исходную точку постановки конституционного вопроса. Они обозначили проблему, которую Российская империя затем решала на протяжении почти двух столетий: как совместить сильную верховную власть с правовыми пределами, общественным участием и гарантиями от произвола.

Следующим важным этапом стал «Наказ» Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1766–1767 гг. [6]. В отличие от «Кондичий», этот документ не был направлен на ограничение власти императрицы. Он был создан в логике просвещенного абсолютизма: монарх сохранял верховенство, но стремился представить законодательство как рациональную систему, основанную на разуме, общественной пользе и юридической определенности.

Подготовка «Наказа» была связана с более широкой задачей законодательной модернизации Российской империи. К середине XVIII в. основным кодифицированным актом продолжало оставаться Соборное уложение 1649 г., которое уже не соответствовало новым социальным, административным и экономическим реалиям имперского государства. Российское право нуждалось в систематизации, а государственная власть — в более современном языке легитимации [10, с. 284–301].

Екатерина II стремилась представить своё правление как правление не только сильной, но и «разумной» власти. В этом состояла специфика просветительского абсолютизма: монарх сохранял полноту верховной власти, но обосновывал её не только традицией, династическим правом и сакральным статусом, но также заботой об общем благе, законности, просвещении и рациональном устройстве общества [14, с. 18–36].

Уложенная комиссия была создана для подготовки проекта нового Уложения. Однако она не являлась парламентом. Её депутаты не обладали самостоятельной законодательной властью, не могли юридически ограничивать императрицу и не выражали народный суверенитет в современном смысле. Комиссия была сословно-представительным, совещательным и информационно-политическим институтом, но не органом конституционной демократии [16, с. 146–159].

Именно в этом контексте следует понимать «Наказ». Он не был актом, посредством которого общество диктовало власти правовые пределы. Напротив, он был актом, посредством которого сама верховная власть формулировала желательные принципы будущего законодательства. Поэтому по своей природе «Наказ» был не конституционным договором между властью и обществом, а программным наставлением монарха законодательной комиссии.

Вместе с тем, значение «Наказа» нельзя недооценивать. Впервые на столь высоком официальном уровне российская власть заговорила языком общих правовых принципов, а не только административных распоряжений. Это был переход от приказной и полицейской логики управления к более сложной модели правовой рационализации государства.

Конституционный потенциал «Наказа» заключался в формировании официального языка законности. В нем обсуждались вопросы государства, гражданского и уголовного права, суда, наказания, правового порядка и общих начал управления [6]. Для российского XVIII в. это было значимо: государственная власть начинала говорить не только языком повеления, но и языком правовых принципов. Однако «Наказ» оставался внутренне противоречивым. Он использовал идеи европейского Просвещения, но не ставил вопрос о народном представительстве как обязательном законодательном институте. Он говорил о законе и правосудии, но не устранял крепостное право. Он стремился гуманизировать наказание, но не превращал подданного в гражданина. Его правовая философия была модернизационной, но политическая структура оставалась самодержавной. Поэтому «Наказ» следует оценивать как важный источник ранней конституционной культуры, но не как конституционный проект в строгом смысле. Он подготовил понятийную основу: законность, общие правила, правовая рациональность, публичная польза. Именно эта понятийная основа позднее будет востребована Сперанским, Новосильцевым и авторами декабристских проектов. Значение «Наказа» состоит и в том, что он показал возможность включения российского права в общеевропейский дискурс. Российский конституционализм не был изолированным явлением: он формировался в контакте с естественно-правовой теорией, идеями Монтескье, Беккариа и практикой европейских государственных реформ. Но в российском контексте эти идеи долгое время сохранялись внутри рамки просвещенного самодержавия, не переходя в полноценную политическую конституцию.

Итак, рассмотрим данный документ более подробно.

«Наказ» создавался в русле европейского Просвещения. Его интеллектуальными источниками были идеи естественного права, рационального законодательства, гуманизации наказания, общественной пользы и умеренности власти. В научной литературе обоснованно отмечается влияние на текст «Наказа» трудов Ш.-Л. Монтескье, Ч. Беккариа и других представителей европейской политико-правовой мысли XVIII в. [14, с. 37–52; 17, с. 41–73]. Особенно заметно влияние Ш.-Л. Монтескье в рассуждениях о законах, природе правления, климате, нравах, государственном устройстве и соразмерности законов условиям страны [13]. Влияние Ч. Беккариа проявляется в положениях о преступлениях и наказаниях, предупреждении преступности, недопустимости чрезмерной жестокости и необходимости соразмерности наказаний [3, с. 91–110].

Однако заимствование европейских идей в «Наказе» не означало механического переноса западной конституционной модели. Екатерина II использовала язык Просвещения избирательно. Из европейской правовой философии были приняты положения о рациональности закона, гуманности наказания, юридической определенности и пользе общества. Но идеи политического представительства, разделения властей как реального ограничения монарха и народного суверенитета были либо смягчены, либо фактически нейтрализованы. В этом состоит важнейшая особенность «Наказа»: он переводил европейскую просветительскую правовую лексику на язык российского самодержавия. Законность понималась не как ограничение монарха со стороны конституции, а как разумный порядок, создаваемый просвещенным монархом. Свобода понималась не как политическая автономия гражданина, а как состояние безопасности подданного в рамках правильно устроенного закона. Право понималось не как предел власти, а как инструмент ее разумного и полезного осуществления.

Центральной категорией «Наказа» является законность. Екатерина II стремилась показать, что государственное управление должно опираться на общие правила, а не на случайное усмотрение. Закон в «Наказе» выступает как средство организации общества, обеспечения безопасности, достижения общего блага и предупреждения преступлений [6].

В этом отношении «Наказ» действительно имел важное значение для развития российской правовой культуры. Он способствовал утверждению представления о том, что государство должно управляться не только волей правителя, но и системой заранее установленных законов. Для России XVIII в., где административное усмотрение, сословная асимметрия и персональный характер власти играли огромную роль, такая

постановка вопроса была принципиально важной [20, с. 112–129]. Однако необходимо различать законность как принцип рационального управления и конституционную законность как ограничение власти основным законом. В «Наказе» присутствует первая, но отсутствует вторая. Законность в документе имеет патерналистский характер. Закон должен защищать подданных, упорядочивать общественные отношения, предупреждать злоупотребления и обеспечивать благо государства. Но вопрос о том, кто вправе ограничить самого законодателя, остаётся нерешённым. Монарх выступает источником правового порядка, а не субъектом, поставленным под контроль конституции. Именно поэтому «Наказ» не создаёт конституционную модель. Он формирует правовой язык самодержавия, но не вводит правовой механизм ограничения самодержца. Законность здесь идёт сверху вниз: от просвещённой власти к обществу. Конституционализм же в строгом смысле требует обратного элемента — ограничения власти правом, имеющим надвластный или хотя бы публично-обязательный характер. Таким образом, «Наказ» следует рассматривать как важный шаг к правовой рационализации государства, но не как переход к правовому государству в современном смысле.

Главное доказательство отсутствия политической конституции в «Наказе» содержится в его отношении к форме верховной власти. Документ не ставит под сомнение самодержавие. Напротив, он прямо обосновывает его необходимость для России. В тексте «Наказа» содержится известное положение: «Государь есть самодержавный», поскольку только соединённая в его особе власть, по логике документа, может действовать соответственно пространству столь великого государства [6, ст. 9]. Эта формула имеет фундаментальное значение. Она показывает, что Екатерина II не мыслила «Наказ» как документ ограничения монархии. Напротив, самодержавие объявлялось функционально необходимым для управления огромной территорией империи.

Тем самым, «Наказ» решал конституционный вопрос не в пользу разделения власти, а в пользу её единства. Он признавал необходимость законов, но не признавал необходимости политического механизма, способного ограничить верховного законодателя. Следовательно, законность в «Наказе» не разрушала самодержавие, а служила его модернизации. Это отличает «Наказ» от более поздних проектов российского конституционализма: от проекта М.М. Сперанского, где появляется идея «коренных государственных законов»; от Государственной уставной грамоты Н.Н. Новосильцева; от декабристских проектов П.И. Пестеля и Н.М. Муравьёва; от Основных государственных законов 1906 г., где законодательная

власть императора уже формально соединялась с Государственным советом и Государственной думой [8, с. 143–214]. В «Наказе» нет даже такого компромисса. Государь остаётся самодержавным, а право выступает не пределом его власти, а рациональной формой ее реализации.

«Наказ» содержит важные положения о правовом положении человека. В нем идет речь о свободе, безопасности, законности наказания, судебной процедуре и недопустимости произвола. Однако эти категории имеют не современный конституционно-правовой, а просветительно-патерналистский смысл. Свобода в «Наказе» не означает политическое участие граждан в управлении государством. Она понимается скорее как безопасность подданного, возможность жить под защитой закона и не подвергаться произвольному насилию. Это понимание близко к умеренной европейской традиции XVIII в., где свобода нередко связывалась прежде всего с законностью и защитой от произвола [13].

Такой подход имел положительное значение для российской правовой культуры. Он переводил проблему свободы из сферы милости правителя в сферу закона. Подданный должен был быть защищён не только благоволением власти, но и общими правилами. Однако сам каталог прав в «Наказе» отсутствует. Документ не закрепляет субъективные публичные права в современном смысле, не устанавливает механизм их судебной защиты от государства, не провозглашает равенство всех перед законом в полном гражданском значении. Сословное устройство общества сохраняется, а крепостное право не отменяется. Именно этот разрыв между языком свободы и социальной реальностью империи составляет главное внутреннее противоречие «Наказа». Екатерина II использовала универалистскую лексику Просвещения, но не превратила её в универсальные юридические гарантии для всех подданных. Следовательно, «Наказ» можно считать важным источником правового дискурса о свободе и безопасности, но нельзя рассматривать как акт конституционного закрепления прав человека.

Наиболее последовательно просветительская природа «Наказа» проявилась в сфере уголовного права и уголовной политики. В документе большое внимание уделялось преступлениям, наказаниям, предупреждению преступности, соразмерности наказания и судебной процедуре [6; 7]. Особое значение имела идея предупреждения преступлений. В духе Ч. Беккариа Екатерина II исходила из того, что эффективное государство должно не столько умножать жестокость наказаний, сколько предупреждать преступления посредством разумных законов и правильного устройства общества [3, с. 91–110]. В «Наказе» также выражена критика чрезмерной жестокости

наказаний. Наказание должно быть не проявлением мести власти, а правовым средством охраны общественного порядка. Такая постановка вопроса была значимой для российского уголовного права XVIII в., где карательная политика ещё сохраняла многие черты устрашения, телесной репрессии и сословной дифференциации ответственности [20, с. 130–147].

Просветительская уголовно-правовая логика «Наказа» включала несколько принципов: наказание должно быть установлено законом; наказание должно быть соразмерно преступлению; чрезмерная жестокость наказания не усиливает правопорядок, а разрушает уважение к закону; предупреждение преступлений предпочтительнее их последующего сурового наказания; судебная процедура должна быть упорядоченной и не зависеть от произвола. Эти идеи имели несомненное модернизационное значение. В них проявлялись зачатки принципов, которые позднее станут общими для уголовного права правового государства: законность, справедливость, гуманизм, соразмерность, процессуальная форма. Однако и здесь необходимо учитывать пределы. «Наказ» не отменял сословного характера уголовной юстиции и не создавал независимого суда в современном смысле. Его гуманизм был программным, а не институциональным.

Одним из центральных признаков политической конституции является разделение властей или по крайней мере юридическое разграничение функций власти. В «Наказе» данная проблема затронута опосредованно, но не решена в конституционном смысле. Екатерина II была хорошо знакома с идеями Ш.-Л. Монтескьё. Однако их восприятие в «Наказе» носило ограниченный характер. Там, где Ш.-Л. Монтескьё видел гарантию свободы в недопущении концентрации законодательной, исполнительной и судебной власти в одних руках, Екатерина II стремилась сохранить самодержавное единство власти, одновременно рационализируя её осуществление [13; 14, с. 52–64].

В результате «Наказ» признавал значение законов, судов, управления, но не создавал самостоятельных ветвей власти. Суд не становился независимой властью, парламент не учреждался, правительство не становилось ответственным перед представительством. Верховная власть оставалась сосредоточенной в фигуре монарха. Это позволяет говорить о своеобразной административной дифференциации вместо разделения властей. Государственная машина могла быть более упорядоченной, функции могли распределяться между учреждениями, но высшая политическая власть сохраняла единство и самодержавный характер. Следовательно, «Наказ» не был

шагом к конституционной монархии. Он был шагом к более рационально устроенному абсолютистскому государству. Разграничение компетенций в таком государстве не означало ограничения суверена, а лишь повышало эффективность управления.

Важно понимать, что для признания документа политической конституцией необходимо наличие нескольких базовых признаков: установление формы правления, юридическое ограничение верховной власти, закрепление статуса основных органов государства, определение механизма законодательства, провозглашение прав и свобод, наличие высшей юридической силы или претензии на фундаментальный характер по отношению к текущему законодательству. «Наказ» этим критериям не соответствует. Во-первых, он не ограничивает верховную власть. Напротив, он прямо подтверждает самодержавный характер власти государя [6, ст. 9]. Во-вторых, он не учреждает представительный законодательный орган. Уложенная комиссия была временным и совещательным учреждением. В-третьих, он не закрепляет народный суверенитет. Народ в документе выступает объектом заботы власти, но не источником власти. В-четвертых, «Наказ» не содержит юридически обеспеченного каталога прав и свобод. В-пятых, он не устанавливает механизм ответственности власти перед обществом. В-шестых, он не имеет значения основного закона, стоящего над монархом и ограничивающего его политически. Поэтому «Наказ» следует отличать от таких последующих документов, как Государственная уставная грамота Российской империи, декабристские конституционные проекты, Манифест 17 октября 1905 г. и Основные государственные законы 1906 г. В этих документах или проектах вопрос о политической форме власти и ее ограничении ставился гораздо более отчетливо [8, с. 214–286].

Главное значение «Наказа» заключается в том, что он способствовал формированию в России правового языка публичной власти. До него государственное управление могло обосновываться преимущественно волей монарха, государственной пользой, сословной традицией и административной необходимостью. «Наказ» вводил иной регистр: закон, разум, общее благо, предупреждение преступлений, безопасность, умеренность наказаний, правовая определенность [6; 14, с. 65–78]. Этот язык впоследствии станет необходимым для российского конституционализма. Нельзя создать конституцию там, где власть вообще не мыслит себя в юридических категориях. «Наказ» не сделал власть конституционной, но заставил ее описывать себя как законную, рациональную и ответственную за правовой порядок.

В этом смысле «Наказ» занимает промежуточное место между абсолютным самодержавием и конституционным государством. Он ещё принадлежит миру абсолютизма, но уже использует понятия, которые в дальнейшем будут работать против неограниченной власти. Именно поэтому документ имеет двойственное значение: как политический акт он сохраняет самодержавие; как правовой текст он развивает язык законности; как источник конституционной мысли он показывает пределы просветительского абсолютизма; как исторический документ он фиксирует раннюю попытку рационального самоограничения монарха. Такой тип правовой модернизации можно назвать доконституционным правовым рационализмом. Он ещё не создаёт конституционного строя, но формирует интеллектуальные предпосылки для постановки конституционного вопроса.

Список литературы:

- [1] Анисимов Е. В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.
- [2] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс, 1995. 304 с.
- [3] Вяземский Б. Л. Верховный тайный совет. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 424 с.
- [4] Градовский А. Д. Начала русского государственного права: в 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1875–1883.
- [5] Захаров В. Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII — первой четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа: монография. М.: Прометей, 2017. 642 с.
- [6] Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
- [7] Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 5. М.: Мысль, 1989. 476 с.
- [8] Миллюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 308 с.
- [9] Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 672 с.
- [10] Омельченко О. А. Законная монархия Екатерины II: просвещённый абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.
- [11] Павленко Н. И. Анна Иоанновна. М.: Молодая гвардия, 2002. 384 с.
- [12] Павленко Н. И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2003. 495 с.
- [13] Плавинская Н. Ю. Наказ Екатерины II: источники, переводы, тексты. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 528 с.
- [14] Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы международной научной конференции. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 640 с.
- [15] Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. XIV. М.: Мысль, 1993. 720 с.
- [16] Томсинов В. А. История русской юриспруденции XVIII века. М.: Зерцало-М, 2011. 320 с.

References:

- [1] Anisimov E. V. Russia without Peter. 1725–1740. St. Petersburg: Lenizdat, 1994. 496 p.
- [2] Beccaria C. On Crimes and Punishments. Moscow: Stealth, 1995. 304 p.
- [3] Vyazemsky B. L. Supreme Privy Council. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House, 1909. 424 p.
- [4] Gradovsky A. D. Principles of Russian State Law: in 3 volumes. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Publishing House, 1875–1883.
- [5] Zakharov V. Yu. Russian and Foreign Constitutionalism of the Late 18th – First Quarter of the 19th Centuries: An Essay on Comparative Historical Analysis: Monograph. Moscow: Prometheus, 2017. 642 p.
- [6] Kamensky, A. B. From Peter I to Paul I: Reforms in Russia in the 18th Century: An Essay on a Holistic Analysis. Moscow: RSUH, 1999. 575 p.
- [7] Klyuchevsky, V. O. Course in Russian History: in 5 Parts. Part 5. Moscow: Mysl', 1989. 476 p.
- [8] Milyukov, P. N. From the History of the Russian Intelligentsia. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Press, 1903. 308 p.
- [9] Montesquieu, C. L. On the Spirit of Laws. Moscow: Mysl', 1999. 672 p.
- [10] Omelchenko, O. A. The Legitimate Monarchy of Catherine II: Enlightened Absolutism in Russia. Moscow: Yurist, 1993. 428 p.
- [11] Pavlenko, N. I. Anna Ioannovna. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2002. 384 p.
- [12] Pavlenko, N. I. Catherine the Great. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2003. 495 p.
- [13] Plavinskaya, N. Yu. The Instructions of Catherine II: Sources, Translations, Texts. Moscow: Monuments of Historical Thought, 2018. 528 p.
- [14] Russian Statehood: The Experience of 1,150 Years of History: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2013. 640 p.
- [15] Solovyov, S. M. History of Russia from Ancient Times. Book XIV. Moscow: Mysl', 1993. 720 p.
- [16] Tomsinov V. A. History of Russian jurisprudence of the 18th century. Moscow: Zertsalo-M, 2011. 320 p.